

КОГДА ПАДАЮТ ЗВЕЗДЫ

КАК ПРЕДАТЬ НАГЛЕЦА

забвению

АНАТОЛИЙ АРБУЗОВ

16+

Анатолий Арбузов

Как предать наглеца забвению

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Арбузов А. Е.

Как предать наглеца забвению / А. Е. Арбузов — «ЛитРес:
Самиздат», 2021

Продолжение приключений хакеров Вовчика и Лохматого, в котором наши герои сталкиваются с превратностями шоу-бизнеса, пытаются покорить мир и даже встречают настоящую любовь. Все ли у них получилось, и что из этого вышло, читайте в новом романе "Как предать наглеца забвению".

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анатолий Арбузов

Как предать наглеца забвению

Глава 1

Противный писк будильника донесся до слуха сонного Виктора. А ведь он только задремал! Какой ненавистный звук! Вместе с пробуждением вернулись и воспоминания. Впрочем, Виктор все равно по привычке протянул руку к соседней половине кровати, но только затем, чтобы ощутить пустоту.

Риты не было, как не было ее и вчера утром, и позавчера, и много дней до этого. Щемящая тоска сжала сердце Виктора, но он решил, что думать о Рите глупо, ведь он сам ее прогнал. «Не думать, не вспоминать, а жить дальше, долго и счастливо!» – Виктор повторял про себя эти слова по утрам, словно мантру. Если и становилось легче, то всего на несколько минут. А потом... Потом тоска снова возвращалась.

Просыпаться вот так, одному, в пустой квартире было невыносимо. Но надо было, просто жизненно необходимо. И Виктор вставал, механически умывался, брился, завтракал, чистил зубы... Разумеется, все это он делал и раньше, пока Рита еще была с ним, но то были совсем другие времена – простые и радостные, наполненные обыденной беззаботностью. И вспоминать о них было точно так же невыносимо, как и просыпаться по утрам одному.

Виктор понимал, что эти воспоминания только обостряют проблему. Умом понимал, но сделать с собой ничего не мог. Ему казалось, что теперь он всего лишь жалкое подобие того, прежнего самого себя, бледная тень бывшего Виктора, счастливого и уверенно идущего по жизни.

И точно так же, как и всегда, он заправлял постель, проветривал спальню, одевался и выходил на улицу, чтобы поехать в студию, где он работал звукооператором. Работу свою Виктор любил. Обладая идеальным слухом, он подмечал любые огрехи исполнителей и всякий раз требовал перезаписи. Артисты возмущались, некоторые даже скандалили, но Виктор всегда был непреклонен и стремился добиваться идеального результата. Это давало свои плоды: записи получались четкими, качественными по звучанию. За это Виктора ценило и начальство, и сами исполнители.

Была теплая, слякотная зима. Виктор брел на работу, не разбирая дороги, но при этом все равно машинально не забывал переступить через лужи, словно робот или ходячий автомат. Ему казалось, это никогда не кончится – подавленное настроение, отвратительная погода, грязь на дорогах. Серое небо давило на него, морозящий дождик со снегом в лицо выводил из себя, а случайные прохожие только раздражали.

Путь Виктора лежал мимо замызганных и давно не отремонтированных фасадов старых зданий, которых было полно в этой части города. Когда-то здесь жили люди, но теперь почти все было сдано под офисы никому не известных мелких фирм. Вывески этих контор были плотно развешаны вокруг входных дверей бывших подъездов и уродовали и без того не самые симпатичные стены. Раньше Виктор ничего этого не замечал – просто дома, просто стены, просто вывески. Ничего интересного! Но в последнее время он мог подолгу вглядываться в названия фирм и удивляться тому, насколько все же они напоминают таблички на стенах какого-нибудь колумбария, разве что годы жизни не указаны.

Одна вывеска уже несколько дней привлекала его внимание. «PR-агентство Судного Дня» – было выведено на ней некогда позолоченными, но теперь облупившимися буквами. Но даже не название фирмы или потертый вид вывески был интересен Виктору, а только то, что около видавшей виды входной двери не висели другие таблички, кроме нее. Получалось,

что это агентство занимает целый подъезд трехэтажного старинного особняка, что никак не вязалось с плачевным видом самой вывески. Тем не менее, Виктор каждый раз думал об этом странном противоречии вовсе не из любознательности. Для него это был один из способов хотя бы ненадолго забыть о Рите.

Вот и сегодня он даже остановился на некоторое время, чтобы в который раз взглянуть на знакомые потертые буквы. Размышления на время прогнали боль, но, как только Виктор отвернулся и пошел дальше, она накатила с новой силой. Он ждал этого, но все равно стиснул зубы, чтобы не закричать. Кровь прилила к голове и начала пульсировать, словно повторяя: «Рита, Рита, Рита...»

Виктору очень хотелось остановиться посреди улицы и завывать от тоски, словно дикий зверь. Шаг, другой... Он заставил себя двигаться дальше и даже стал мысленно командовать: «Левой-правой, левой-правой! Шире шаг! Вот так, молодец! Не сбавляй темп!» В другое время он бы посмеялся сам над собой. Да что там – просто не поверил бы, что все это может происходить с ним!

Вот и двери студии. Виктор натянул на лицо жизнерадостную улыбку. Никто не должен видеть, как ему плохо. У него все отлично, и не может быть по-другому. Он вошел внутрь.

Глава 2

– Рита, ты дома? – всего несколько недель назад поинтересовался Виктор, придя домой с работы.

– А? – откликнулась Рита, появляясь в дверях.

Она куталась в длинный халат. В квартире было прохладно, а Рита не любила зря мерзнуть. Виктор слегка приобнял ее и неловко попытался поцеловать в щеку, однако Рита тихо рассмеялась и притянула его к себе.

– Ну уж нет! Так легко ты не отделаешься!

Одной рукой она обвила его шею и, целуя, пыталась второй, свободной рукой справиться с ремнем на его брюках.

– погоди, дуреха... – Виктор улыбался и не пытался освободиться. – Дай, я хоть умоюсь.

– Ладно. Живи покуда. Но имей в виду: после ужина тебя ждет заслуженная расплата за то, что пришел так поздно! – нарочито строго сказала Рита и шутливо погрозила пальцем.

После долгого поцелуя, который длился куда дольше первого, Виктор ретировался в ванную. Настроение было отличное. На работе все складывалось как нельзя лучше. Сегодня утром пришел шеф, объявил, что завтра будем писать Швайнштерна, и не забыл посулить хорошую премию, между прочим.

– Он, конечно, парень эпатажный и исполняет всякий мусор, но не нищерброд, – объяснил свое решение шеф. – Я говорил с его продюсером, тот обещал хорошие деньги, если сделаем качественную запись. Швайнштерн планирует исполнить две-три композиции, а там – как пойдет. В перспективе они готовы рассмотреть с нами долгосрочный контракт.

– Это прекрасно... – начал Виктор.

– И вот еще что, – перебил его шеф. – Мы не можем ударить в грязь лицом. Ты в курсе, в последнее время дела у нас шли не очень. И я решил, что писать Швайнштерна должен ты. Очень на тебя рассчитываю.

С этими словами он оставил операторскую, а Виктор снова принялся сводить звуковые дорожки композиции, которую они записали накануне. Дело спорилось, и уже к вечеру все было готово. Прослушав ее еще раз, Виктор удовлетворенно кивнул и выключил пульт.

Дома, за ужином, он поделился радостными новостями с Ритой.

– Швайнштерн?! – воскликнула она и всплеснула руками. – Я его обожаю!

– Правда? – искренне удивился Виктор. – А что в нем такого особенного? Голоса нет, таланта тоже. Стихи – бред. Музыка из трех нот, и ту он не сам пишет.

– Да что ты! Он такой классный! И так эмоционально поет!

– Скорее, говорит, – усмехнулся Виктор. – Петть он не умеет. Уверяю тебя, к нам приходят куда более талантливые и известные артисты, чем этот Швайнштерн.

– Ты ничего не понимаешь. Он душка! – Рита показала язык. – Вот бы взглянуть на него хоть одним глазком.

– Ну... – протянул Виктор. – По правде говоря, это можно было бы устроить...

– Да? Ты можешь взять меня завтра с собой?

– Думаю, могу.

– Спасибо! Спасибо! Ты у меня такой молодец! – оживилась Рита и добавила: – Интересно, а можно будет взять у него автограф? А сфотографироваться?

– А вот это не обещаю. И, кстати, если будешь приставать к артистам в студии, у меня могут быть неприятности.

– Жаль... Но не бойся: я буду вести себя тихо-тихо, как мышка, приставать только к тебе.

– Договорились, – улыбнулся Виктор и сменил тему: – Как твои дела в институте?

– Нормально. – Рита помахала в воздухе вилкой, показывая, что беспокоиться не о чем. – Скоро сессия, но я еще даже не начинала готовиться.

– Не боишься пролететь?

– Нет. Все будет в порядке, не переживай. Преподаватели – такие хорошие дядечки. Я им улыбнусь, где нужно, – и дело в шляпе.

Рита озорно подмигнула Виктору.

– Вот я тебе дам «улыбнусь»! – воскликнул тот, сграбастал ее в охапку и потащил в спальню к немалому Ритиному удовольствию.

Рита шутливо отбивалась и хихикала.

Позже Виктор много раз вспоминал этот вечер как один из последних, проведенных вместе. Если бы он знал тогда, к чему приведет его опрометчивое решение взять Риту с собой на студию! Откажи он ей тогда, не дай своему самолюбию согласиться на ненужный широкий жест, все бы пошло по-другому. Но в тот безоблачный день он ни о чем таком не думал, и никакие плохие предчувствия не тревожили его душу сомнениями.

– Смотри, ты обещал! – напомнила Рита, когда Виктор уже засыпал.

– Что? – переспросил он в полудреме.

– Как что? Взять меня завтра с собой!

– Ну, конечно, возьму, – пообещал Виктор и поцеловал ее.

Он обвил одной рукой Ритину талию и прижал девушку к себе покрепче – как оказалось, в последний раз.

Глава 3

Швайнштерн устало откинулся в кресле. Дорога была нелегкой: из-за плохой погоды рейс задержали, и он не успел толком отдохнуть после перелета. А ведь впереди еще был запланированный концерт, который он, Швайнштерн должен был отработать на все сто. Артист лениво потягивал красное вино, что, впрочем, делал перед любым своим выступлением.

– Тимур, это успех! – Его продюсер Юра ввалился в комнату, тяжело дыша. – Все билеты проданы, плюс еще черте сколько народу в фан-зоне.

– А ты сомневался? – не без самодовольства осведомился Швайнштерн и вальяжно потянулся в своем кресле. – Хомячье... Они несли и будут нести свои бабосики за тот треш, что я пою. И ведь что интересно: чем большую туфту я им скармливаю, тем больше эти идиоты радуются. Если так пойдет дальше, то мне будет достаточно просто выйти на сцену, несколько раз матюгнуться в микрофон, забрать деньги и уйти.

– Это и есть слава! Разве нет?

– Дерьмо это собачье, Юр... – Швайнштерн вдруг почувствовал себя необыкновенно усталым. – До чего люди все же тупые в большинстве своем! А помнишь, ты не верил, что из этого выйдет что-нибудь?

– Помню, все помню.

– И кто оказался прав?

– Ты, Тимур, ты.

– То-то... – Швайнштерн уставился на отражение своего татуированного лица в зеркале. – И все, что этим людишкам надо, так это чтоб ты напялил на себя что-то несуразное, напился или обкурился и пронес в эфире или на сцене полный бред. Клоунады! Хлеба и зрелищ! И так было всегда, еще со времен римских императоров.

– Может, будем начинать? – занервничал Юра, знавший по опыту, что если Швайнштерна тянет на подобные разговоры, то концерт может и вовсе не состояться.

Это было вполне в духе артиста и, как ни странно, служило только на пользу его имиджу яркого и эпатажного, даже бунтарского певца. Быть не похожим на других, не таким, как все – вот в чем заключался феноменальный секрет успеха Швайнштерна. Он стал известным и сверх популярным всего за год. Конечно, тут помогли и деньги родителей артиста, не скупившихся на рекламу дорогого сынка, и полезные связи самого Юры. Но сколько их было таких, богатых, ярких выскочек, появившихся с одной-двумя песнями и сразу же пропавших? На Юриной памяти – десятки, если не сотни. Однако Швайнштерн ухитрялся держаться в тренде и до сих пор был на хорошем счету у миллионов подростков, на которых и были, главным образом, рассчитаны его песни. И хотя Юре уже не раз и не два приходилось улаживать конфликты с партнерами из-за непредсказуемых выходок Швайнштерна, подобные истории ничуть не влияли на толщину его кошелька. Иными словами, Юра стремительно обогащался с той поры, как связался с этим нелепым долговязым парнем с татуировками на хитроватом, но при этом всегда немного грустным лице.

– Да, через пять минут начнем, – подтвердил Швайнштерн, не отрывая взгляда от зеркала, и нецензурно выругался сквозь зубы.

– Как всегда, включим фанеру?

– Конечно! Неужели ты думаешь, я буду драть глотку ради хомячья?

Юра мысленно вздохнул с облегчением. Он был невысокого мнения о вокальных данных артиста и, к тому же, слишком хорошо помнил инцидент, когда Швайнштерн, хорошо набравшись, вызвался петь на концерте без фонограммы. Дело в том, что по ходу зрелищного представления артист должен был довольно резво скакать по сцене (сам Швайнштерн без тени сомнения называл это странное упражнение танцем, способным конкурировать с лунной

походкой Майкла Джексона). Но, поскольку ни один человек в мире не способен одновременно так ритмично двигаться и петь одновременно, то изумленная публика услышала только жалкий хрип задыхавшегося певца. Это было слишком даже для фанатов Швайнштерна, пусть и не отличавшихся разборчивостью в своих музыкальных предпочтениях.

Тогда в Интернете поднялся скандал, и имя Швайнштерна не упомянул разве что самый ленивый блогер (разумеется, в очень нелицеподобных выражениях). Юре удалось ловко потушить тот пожар, опубликовав на канале самого Швайнштерна сюжет с записью злополучного концерта под заголовком «Пьяный Швайнштерн рвет публику в клочья». В сюжете помимо отдельных фрагментов выступления были даны комментарии артиста, сделанные в его обычной нахальной манере и нацеленные на то, чтобы создать у зрителя иллюзию тщательно спланированной акции, а не убогого пьяного дебоша на сцене.

Как ни странно, план сработал, хотя и доставил Юре множество переживаний и несколько непростых дней в его карьере продюсера. Отчасти вызванный таким образом шум даже поспособствовал продвижению Швайнштерна. Сюжет посмотрело несколько сотен тысяч зрителей, причем из них добрая половина были новыми подписчиками. Но Юра хорошо понимал, что второй раз метод может и не сработать, поэтому с той поры всегда старался уговорить Швайнштерна на фонограмму. Впрочем, последний никогда особенно не сопротивлялся этому.

– Пойду, свистну ребятам, чтоб готовились, – сказал немного приободрившийся Юра и поспешил выйти.

– Свисти... – Швайнштерн встал с кресла и неторопливой походкой вразвалочку отправился вслед за продюсером.

Глава 4

Моросил мелкий осенний дождик, но ни Виктор, ни Рита его не замечали. Оба в то злополучное утро были абсолютно счастливы. Вдобавок Рита, воодушевленная встречей с любимым артистом, без умолку щебетала и строила незатейливые планы относительно того, как это, по ее мнению, должно было произойти.

– А я, такая, подойду к нему и скажу: «А можно ваш автограф?». Ой, нет, лучше фото. Или слишком навязчиво?

– Я слышал, он не любит фотографироваться с фанатами, – подлил масла в огонь Виктор.

– Тогда лучше автограф. Решено! Подхожу и прошу оставить памятную надпись...

– Не уверен, что он умеет писать, – усмехнулся Виктор.

– Да ну тебя, в самом деле! Все умеют писать.

– А этот не умеет! – поддразнивал Виктор.

– Ну, так вот... Подойду к нему и протяну ручку и... Ох... А на чем он оставит автограф-то? – Рита остановилась и принялась рыться в сумочке прямо посреди улицы.

Виктор терпеливо ждал, придерживая зонтик над ее головой.

– Ага! Вот тут! – Рита победно извлекла какой-то смятый листок бумаги и потрясла им перед носом Виктора. – Как думаешь, он не откажется?

– Кто ж откажет такой красавице, да еще в такой пустяковой просьбе?

– Ох, Витюш, я так волнуюсь! – Рита взяла его под руку и потерлась носом о плечо. – Но все равно спасибо! Ты у меня замечательный!

До студии было рукой подать, и вскоре они оказались возле турникетов бизнес-центра, где она находилась. Охранник только лениво кивнул, когда Виктор указал на Риту:

– Она со мной.

Влюбленные беспрепятственно вошли внутрь и поднялись на второй этаж, прямо в операторскую. О ее устройстве следует сказать особо, потому что оно сыграло определенную роль в развитии дальнейших событий.

Операторская представляла собой довольно тесную каморку, буквально нашпигованную записывающей аппаратурой. Впрочем, как это обычно и принято, место звукооператора за пультом было отделено от основного пространства непроницаемой перегородкой со стеклом посередине, через которое исполнитель и оператор не могли слышать друг друга, если не включить микрофоны и динамики по обе стороны. Всеми устройствами управлял оператор со своего пульта, но чаще всего его собственный микрофон оставался выключенным, чтобы посторонние шумы не регистрировались на записи. Лишь иногда Виктор или его ассистент и напарник Рудик включали свои микрофоны, чтобы что-нибудь сказать артисту по ту сторону стекла. Впрочем, чаще всего необходимости подавать голос во время записи у операторов не было, ведь прямо перед носом исполнителя висело специальное табло, на котором загоралось оповещение «Идет запись» в момент, когда от того требовалось что-нибудь сыграть или спеть.

– Садись вон на тот стул, – указал Виктор на колченогий табурет в углу, который операторы между собой называли «гостевым».

Рита с интересом разглядывала интерьер студии. Одно из кресел за пультом уже было занято молодым человеком весьма худощавого телосложения в джинсах, вытянутой майке и бейсболке, надетой задом наперед. Во второе уселся Виктор.

– Рудик, – представился молодой человек, оглянувшись. – Коллега этого охламона.

– Маргарита, – представилась Рита и вопросительно покосилась на Виктора.

– Начинаем через полчаса, – взглянув на часы, сказал Виктор.

– А мне-то что? Солдат спит – служба идет, – беззаботно откликнулся Рудик и даже немного надвинул на глаза бейсболку, будто и впрямь собирался вздремнуть.

– Ты лучше звук проверь, – отозвался Виктор. – Солдат...

– Есть, товарищ генерал!

– И особое внимание на левый наушник обрати. Артисты жалуются на то, что он тише, чем правый.

– Слушаюсь, ваше благородие!

Рудик вскочил и бросился к небольшой дверке в стене. Через минуту он появился за стеклом, там, где полагалось быть исполнителям, надел огромные наушники, валявшиеся здесь же и скорчил страшную рожу Рите. Та улыбнулась.

– Обормот... – беззлобно ухмыльнулся Виктор. – Не обращай внимания. Он всегда такой.

– Он милый... Ой, а Рудик нас слышит?

– Нет. Видишь вот этот тумблер. Когда он переключен в нижнюю позицию, человек за стеклом не может слышать ничего из того, что здесь говорится. Можешь даже орать во весь голос.

– А что же он тогда сейчас слушает в наушниках?

– Так, пробную фанеру. Мы всегда ее ставим для проверки.

– А Швайнштерн тоже будет фанеру слушать?

– Конечно. На музыкальных инструментах, насколько мне известно, он сам не играет, так что – да, только запись. Хочешь, подшутим над ним? – кивнул Виктор на Рудика.

– Давай!

Виктор поколдовал над пультом и включил заранее записанную музыку, припасенную к приезду Швайнштерна. Операторскую огласили монотонные и однообразные биты, от которых самому Виктору захотелось убежать. Однако Рите они нравились, и она даже стала что-то напевать под нос, отбивая такт рукой по колену. Рудик за стеклом скорчил еще более страшную рожу, чем до этого, и исполнил весьма необычный танец, напоминающий собой что-то среднее между диско восьмидесятых и балетом «Лебединое озеро». Рита так и покатила со смеху. Продолжая подскакивать и подпрыгивать, Рудик скрылся из виду. Затем снова появился, чтобы вернуть наушники на место и раскланяться перед благодарной публикой в операторской. Он так комично присел в замысловатом реверансе, что в этот раз даже Виктор не смог удержаться от смеха.

Глава 5

Швайнштерн подъехал к студии, как всегда, с грандиозной помпой. И с не менее грандиозным опозданием. Виктор уже в сотый раз взглянул на часы, а Рита так и вовсе приуныла на своем табурете. Только Рудик сохранял веселый настрой и беззаботность – такой уж у него был характер.

Недовольно морща нос, Швайнштерн проследовал из роскошного лимузина в помещение студии.

– Юр, это же какая-то помойка... – жаловался он продюсеру.

– Не стоит судить по первому впечатлению, – оправдывался тот. – Невзирая ни на что, это самая лучшая студия звукозаписи, поверь мне. Здесь создавались многие популярные треки, сделавшие своих исполнителей знаменитыми. К тому же, ее владелец – мой старинный приятель. Все будет в ажуре!

– Сомневаюсь... – Швайнштерн кутался в простецкого вида толстовку, пытаясь скрыть от любопытных взглядов свое легко узнаваемое лицо, сплошь покрытое татуировками.

На артисте были зауженные джинсы с дырами на коленях и ярко-желтые кеды. Это был не тот костюм, к которому привыкли фанаты, но, тем не менее, даже перечисленные атрибуты одежды обращали на себя внимание недоумевающих офисных служащих, спешивших по своим делам, пока Швайнштерн с гордым и независимым видом шествовал по коридорам здания.

У входа в студию на втором этаже их уже ждал владелец, он же шеф Виктора.

– А, Юра, привет! – сердечно поздоровался он с продюсером, будто не замечая присутствия Швайнштерна.

– А, Гена! Приветствую, приветствую... – не менее радостно откликнулся Юра и пожал руку владельца студии.

– Что-то вы припозднились.

– Да, нас изрядно подвели пробки, – соврал продюсер первое, что пришло в голову.

В самом деле, не сообщать же деловому партнеру и старому знакомому, что Швайнштерн вздумал утром напиться и ему, продюсеру, пришлось изрядно попотеть, чтобы поставить артиста на ноги.

– Что ж, – прищурился Гена, прекрасно понявший, что старый приятель врет и никаких пробок в это время на дорогах уже не может быть. – У нас все готово!

– Мы тоже готовы. Вот, позволь тебе представить нашу восходящую звезду, человека огромного таланта и души. Тимур Швайнштерн.

– Очень приятно! – Гена изо всех сил старался не скривиться в презрительной гримасе при виде артиста в клоунских кедах, и только многолетний опыт и профессионализм помогли ему справиться с этой проблемой.

Швайнштерн за все это время не сказал ни слова, со скучающим видом поглядывая по сторонам. Протянутую руку он то ли не пожелал заметить, то ли просто опасался за свежий маникюр. Однако Гену это не обескуражило. Кому, как не ему, было знать, что главный здесь Юра, что бы там ни воображал себе этот напыщенный юнец.

– Приступим к делу! – воскликнул он. – Вам, молодой человек, сюда, в надежные руки наших операторов. Ну, а мы с тобой, Юр, зайдем ко мне и обсудим кое-какие детали.

– С удовольствием! – продюсер помог Швайнштерну справиться с дверью, а сам отправился вслед за Геной.

Артист вошел в полумрак студии. Впрочем, операторская была ярко освещена, и через уже упомянутое окно в помещении проникало достаточно света, чтобы не споткнуться обо что-нибудь в темноте. Швайнштерн уселся на специальный стул для исполнителя, надел наушники и пододвинул к себе микрофон.

– Ну, наконец-то! – обрадовался Виктор, завидев артиста, и шелкнул тумблером. – Добрый день!

Рита смотрела во все глаза и, казалось, тут же забыла те томительные часы ожидания, которые ей пришлось провести на неудобном гостевом табурете.

– Привет! – откликнулся Швайнштерн. – Что тут надо делать?

– Когда я подам сигнал, на табло перед вами включится обратный отсчет. Потом загорится оповещение: «Идет запись», и одновременно в наушники пойдет фонограмма. Вы должны приготовиться.

– Угу...

– Какую песню будете исполнять первой?

– «Белый лимузин».

– Добро. Готовы?

– Да.

– Стартую отсчет! – Виктор шелкнул тумблером своего микрофона, отключая любые звуки из операторской, и запустил фонограмму.

Дождавшись начала музыки, Швайнштерн запел:

– «Эх, ух, вот так! Лимузин! При делах!»

– Эх, ух? – недоуменно пробормотал под нос Виктор и переглянулся с Рудиком. Слова песни он слышал впервые. – Что за треш?

Рудик пожал плечами и немного подкрутил басы.

– «Это я, такой крутой! Лимузинчик белый мой!» – продолжал Швайнштерн.

– Стоп! – Виктор остановил музыку.

– Что такое?

– Вы не попали в ритм, когда пели «лимузинчик белый мой». Ударные прозвучали чуть раньше.

– Вот черт! – выругался Швайнштерн и добавил несколько витиеватых нецензурных выражений.

Рита покраснела, а Швайнштерн подмигнул ей и сказал:

– Давай еще раз фанеру.

Виктор послушно запустил отсчет по новой. А Швайнштерн снова запел. Однако уже не второй строфе фонограмму снова пришлось остановить.

– Не попадаете в ноты, – прокомментировал свое решение Виктор.

Швайнштерн снова выругался, на этот раз отборным трехэтажным матом. Начали с начала. Так продолжалось долго. Артист то не попадал в такт, то в ноты, то слишком спешил или отставал. Операторы сидели мрачные и раздраженные, и даже Рита, которой сильно хотелось в туалет, пригорюнилась в углу. Наконец, Швайнштерн не выдержал:

– Все! Перекур! – На самом деле он не курил, но выпить хотелось отчаянно.

– Хорошо. Десять минут, – согласился Виктор, в очередной раз поглядев на свои часы.

– Двадцать, – заспорил Швайнштерн.

– Ладно... – нехотя согласился Виктор.

– А где здесь туалет? – робко спросила Рита.

– Пойдем, провожу, – предложил Виктор.

– Да и я б не отказался, – вставил Рудик.

Все трое покинули операторскую, в суматохе забыв выключить микрофон.

Глава 6

Первой вернулась Рита. Она скользнула в свой угол и затаилась в полумраке операторской. Вся затея с посещением студии теперь не казалась ей такой уж хорошей идеей, как вначале. Рита устала и заскучала.

Ребята зашли буквально через минуту, обсуждая на ходу предстоящую запись.

– В конце концов, пусть поет по одной строчке, а мы потом сведем, – втолковывал Рудик. – Не впервой.

Виктор с сомнением качал головой:

– Нет, будет заметно.

– Да ну, брось! Я сделаю так, что пальчики оближешь. Иначе провозимся с этим Швайнштерном до утра, – продолжал настаивать на своем Рудик.

– Ну хорошо. Давай попробуем еще раз. Если не получится, пойдем твоим путем, – сдался Виктор. – Кстати, где этот придурок?

Студия была пуста, и друзья продолжили делиться впечатлениями.

– Нет, ну каков осел! – в сердцах сказал Виктор. – Мало того, что совсем не умеет петь, так еще и все время опаздывает.

– А как тебе эти его охи и ахи? – подхватил, смеясь, Рудик.

– В песне три ноты, ровно три! Я считал. И в те этот олух не может попасть. И фальшивит, как не знаю кто! И откуда такие берутся, скажи на милость?! Ни голоса, ни таланта, ни даже усилий минимальных прилагать не хотят. Прямо плесень какая-то на нашей эстраде! А все туда же, в звезды!

– Кхе-кхе, – раздался вдруг голос из динамика.

Ребята подпрыгнули от неожиданности и повернулись к окну студии. Там на своем стуле восседал Швайнштерн и с интересом прислушивался к их разговору. В руках он держал микрофон.

– Плесень, говоришь? А ты знаешь, прыщ гнойный, сколько бабла я рублю, пока ты там гавкаешь из своей будки? Меня знает вся страна, а кто знает тебя? Сидишь и несешь всякую...

– Тут Швайнштерн вставил популярное бранное слово. – Сколько тебе лет? Тридцать? А мне чуть больше двадцати, и я добился таких высот, что тебе, уроду, и не снились. Музыка моя тебе не нравится? Да что ты там в своем аквариуме понимаешь в современной музыке?! Я всегда буду в тренде. Я – легенда, а ты – жалкое ничтожество!

Все это было сказано нарочито негромко, спокойным тоном, но с нескрываемым едким сарказмом. Вдобавок здесь была Рита, и обычно уравновешенный Виктор не выдержал и вспылал:

– Да, гений? Так что ж ты даже первый куплет-то пропеть не можешь? Или корона на голове жмет и мешает?

– Чмо болотное!

– Педик с маникюром!

– Кто педик?! Я?!

– Ты!

– Знаешь, что, поганец... – Взгляд Швайнштерна упал на Риту. – Если я предложу твоей девушке трахнуть, можешь быть уверен, я ее... – он снова выругался. – Сама ко мне в постель прибежит, и ты ничего с этим не сделаешь! Тогда и посмотрим, кто из нас педик.

– К тебе? – широко улыбнулся Виктор. – К имбецилу с крашеными ногтями? Да ни за что!

– А вот увидишь!

– Виктор!

В дверях операторской стоял шеф, который зашел осведомиться, как идут дела. С первого взгляда он верно оценил ситуацию и добавил:

– Можно тебя на минутку?

Виктор и Гена вышли, а Швайнштерн подмигнул Рите.

– А можно у вас автограф будет взять? – некстати пискнула она, вспомнив о цели своего визита.

– У хахаля своего спроси! – недобро усмехнулся Швайнштерн.

Шеф и Виктор вернулись в операторскую. Последний был весь красный и сразу же принялся собирать вещи.

– Все в порядке, Тимур Мухамедович. – Каким-то непостижимым образом шеф ухитрялся помнить имена и отчества всех исполнителей. – Запись продолжит этот молодой человек. – Он кивнул на Рудика. – А с обидевшим вас сотрудником мы разберемся.

– Пойдем, Рит, – буркнул Виктор и, не оглядываясь, вышел.

Рита в последний раз посмотрела на Швайнштерна и потянулась за Виктором.

– Тебя теперь уволят, да? – спросила она уже в коридоре.

– Нет, но от записи отстранят.

– Может, оно и к лучшему?

– Может.

Виктору ничего не хотелось обсуждать, а Рита почувствовала, что сейчас его лучше не трогать. Когда они вернулись домой, Виктор наскоро принял душ и завалился в кровать без ужина. Через некоторое время к нему присоединилась и Рита, но он не обратил на нее внимания, отвернулся к стене и сделал вид, что спит. Рите было очень грустно.

Глава 7

Но не только Виктор и Рита ложились спать в тот вечер в дурном настроении. Швайнштерн с крайним раздражением вспоминал события своей поездки в студию. Наиболее неприятной ему казалась мысль о том, что Виктор, скорее всего, прав. Артист вовсе не был глупым человеком и понимал, что его песни – нелепая дань времени, а не высокое искусство. Да, сегодня он был, как говорят, в тренде и действительно находился на пике популярности у молодежи. Деньги лились рекой в его карман, впрочем, как и в карман его продюсера. Все это было прекрасно. Но при этом червячок сомнения постоянно точил изнутри душу Швайнштерна. Он чувствовал, что все это временно, но при этом уже никак не мог отказаться от бесшабашной роли эпатажного клоуна, а что делать дальше, все никак не мог сообразить.

Кроме того, Швайнштерна ослепляла собственная слава, и он уже начинал думать, что достиг нынешних высот исключительно своими усилиями. Справедливости ради стоит отметить, что его заслуги сложно было переоценить, однако при этом не следовало забывать и о той финансовой помощи, которую ему оказали родственники на начальном этапе, а также и об усилиях Юры, благодаря связям которого о Швайнштерне вообще кто-либо узнал. С Юрой Швайнштерн и вовсе познакомился случайно. В этом ему просто повезло так, как не везло многим и очень многим куда более талантливым артистам. Однако же, справедливо предчувствуя закат своей звезды, Швайнштерн был склонен винить в этом не себя и не свое сиюминутное стремление обогатиться, а продюсера. Что ж, такую ошибку совершали люди и до него, поэтому не стоит винить артиста – испытание медными трубами недаром считается самым сложным.

Итак, в тот вечер Швайнштерн вернулся в свой роскошный пентхаус в отвратительнейшем настроении. Ему безумно хотелось выпить, что было как раз решаемо: дома имелся отличный бар, к которому он и поспешил сразу по приезде. Охрану Швайнштерн отпустил до утра, а домработница ушла сама еще раньше, в положенное ей по графику время, так что артист мог наслаждаться дарами своего бара в блаженном одиночестве.

Поглощая живительную жидкость, Швайнштерн прокручивал в своей голове свою ссору с Виктором, имя которого он, кстати, так и не удосужился узнать. Его немного успокаивало, что оператора с позором выгнали из студии, быть может, уволили. Швайнштерн даже улыбнулся, думая об этом. Однако слова Виктора причудливым образом наложились на размышления самого Швайнштерна. И если какой-то операторишка из будки, едва с ним знакомый, мгновенно оценивал творчество артиста примерно так же, как и сам артист после длительных раздумий, то дело было дрянью. Это раздражало Швайнштерна больше всего. Будь артист чуть менее самовлюбленным и рассуждай объективно, он бы просто выкинул тот разговор из головы и никогда не вспоминал. Но, как мы знаем, слава слепила Швайнштерна, и то ли под ее воздействием, то ли от выпитого алкоголя артист пришел к неожиданному выводу: во всех своих бедах виноват не он сам, а те плебеи, которые его окружают, жалкие никчемные людишки, чей образ для него теперь воплощал Виктор.

– Нет, ну каков убудок! – ругался Швайнштерн, глядя на свое отражение в зеркале с бокалом дорогого красного вина в руке.

Последнее, конечно же, относилось к Виктору.

– Да что о понимает вообще?! И приятель его нахальный!

А это было уже про Рудика. Оставшись в студии наедине со Швайнштерном, тот предложил ему свой вариант записи – по отдельным строфам. Не желая конфликта, Рудик сделал это в максимально корректных выражениях.

– Мы с вами сэкономим время, – увещевал он Швайнштерна, – а я все сведу так, что никто и не заметит.

Это было скрытым оскорблением, но Швайнштерн чувствовал себя настолько изнуренным, что согласился. Рудик с энтузиазмом взялся за дело, и вскоре трек был почти готов. Несколько раз он позволил себе иронично ухмыльнуться в процессе записи, что не укрылось от артиста. Швайнштерн предпочел этого не заметить, хотя теперь немного жалел, что не сказал этому наглецу в бейсболке в тот момент пару ласковых слов.

Рудик оказался и вправду мастером своего дела. Сведение не заняло у него много времени, и вместе со Швайнштерном они пришли к выводу, что получившийся трек звучит весьма недурно. Оставалось записать еще два, но по причине позднего времени Швайнштерн предложил перенести их на завтра. Утомленный Рудик с радостью согласился.

И теперь артисту предстояла еще одна поездка в ненавистную студию. Уж завтра-то он скажет все, что думает, и этой «бейсболке», и его шефу, и, если повезет, тому ублюдочному операторишке! С этими мыслями Швайнштерн улегся в постель и забылся беспокойным сном.

Глава 8

Рита провела все утро в молчании. На нее это было не похоже. Обычно девушка болтала без умолку, пересказывая Виктору все свои незатейливые планы на день. А тот всегда внимательно ее слушал, важно кивал, но при этом, тем не менее, не спешил в ответ делиться своими.

Сегодня все было по-другому. Виктор сидел за завтраком мрачнее тучи. Он был настолько погружен в свои мысли, что, казалось, не замечал Ритино присутствие. На несколько ее настойчивых вопросов Виктор хмыкнул что-то неопределенное и снова ушел в себя. Вот и все общение.

Напряженность росла, и Рита сочла за лучшее помолчать. Виктор сегодня планировал остаться дома, а вот ей нужно было бежать на учебу. Чтобы хоть как-то развеяться и избавиться от гнетущего чувства, она решила пройти несколько остановок пешком, тем более что дождя не было и позднее осеннее солнце несмело пробивалось между густых облаков, согревая землю остатками тепла.

Рита и сама не заметила, что путь ее лежит как раз мимо студии Виктора, которая, как мы знаем, находилась недалеко от дома. Еще издали она заметила длинный белый лимузин, остановившийся прямо перед входом. Сердце Риты тревожно и, вместе с тем, радостно затрепетало. Неужели это он? Ну, точно! Это был не кто иной, как Швайнштерн. Вот это удача!

Шофер вышел из машины и услужливо открыл заднюю дверцу. Сначала вылез телохранитель, которого Рита раньше не видела, а вот вслед за ним показалась знакомая фигура Швайнштерна.

Теперь уж точно она не упустит свой шанс. Рита побежала к лимузину, стараясь не упустить артиста из виду. На ходу она расстегнула сумочку, нащупывая ручку и первую попавшуюся тетрадку с лекциями. Швайнштерн не спешил заходить в студию. Он щурился на солнце, глядя на него сквозь стильные розовые очки, и не замечал никого вокруг. Похоже, артист наслаждался хорошей погодой и последним осенним теплом. Рядом топтался его телохранитель в строгом деловом костюме с галстуком и, по профессиональной привычке, озирался по сторонам. Он-то и заметил покрасневшую от волнения Риту и преградил ей путь.

– Тимур Мухамедович! – выкрикнула Рита, столкнувшись с неожиданным препятствием.

Швайнштерн вздрогнул и повернулся к ней. Он сразу узнал девушку.

– Чего вам?

– Автограф! – выпалила Рита, задыхаясь от бега, и умоляюще добавила: – Пожалуйста.

– Ладно... – смягчился Швайнштерн. – Пропусти ее, Колян. Вообще-то я не люблю давать автографы, но с вами мы, можно сказать, знакомы, так что...

Он взял протянутые Ритой тетрадку и ручку.

– Кому?

– Маргарите. – Девушка покраснела еще больше и стала, затаив дыхание, следить, как Швайнштерн старательно выводит ее имя.

Справился он быстро, да и само посвящение вышло по-швайнштернеровски незамысловатым. «Маргарите», – прочитала Рита. Дальше следовали дата и размашистая подпись. И больше ничего.

– Спасибо! – пискнула она, не зная, что делать дальше.

Швайнштерн уже собрался было зайти в студию, как вдруг шальная мысль мелькнула у него в голове.

– Маргарита? – окликнул он девушку, все еще стоявшую возле лимузина. – А вы очень спешите?

Рита подумала о том, что ей уже пора бы торопиться на занятия, но едва она открыла рот, чтобы сообщить об этом артисту, как тут же захлопнула его и с трудом выдавила из себя:

– Нет.

Рите хотелось, чтобы это прозвучало небрежно, но голос и волнение выдали ее, поэтому получилось хрипло и как-то жалко. Однако Швайнштерн, похоже, не обратил на это внимания.

– Отлично! Хотите покататься?

Артист улыбался девушке широкой обаятельной улыбкой, демонстрируя все свои тридцать два зуба, белые и ровные, будто специально рекламируя своего стоматолога. Покататься на легендарном лимузине! Со своим кумиром! Ну, конечно, да! Тем не менее, Рита решила схитрить.

– Не знаю... – протянула она с сомнением и тоже улыбнулась в ответ, застенчиво, но в то же время кокетливо. – У меня были тут кое-какие дела.

– Тогда, может, в другой раз? – Швайнштерн видел ее насквозь и не собирался попадаться на такой дешевый трюк.

– Нет-нет, – спохватилась Рита и торопливо добавила: – Дела подождут. Но вам разве не надо туда?

Она кивнула в сторону студии.

– Ерунда! – небрежно махнул рукой Швайнштерн. – Еще рано, к тому же мы ненадолго. Он галантно распахнул дверь лимузина перед Ритой и сделал приглашающий жест:

– Прошу.

Рита не стала возражать и полезла в машину, жалея только о том, что не приделалась соответственно неожиданному приглашению. Швайнштерн и телохранитель влезли следом. Рита примостилась на краешке заднего сиденья, а мужчины сели по сторонам, на боковых. Лимузин, как и все подобные машины, был внутри очень просторным. Сюда свободно поместилось бы человек восемь. Вдобавок прямо за спиной водителя находился мини-бар, и Швайнштерн тут же гостеприимно протянул к нему руку.

– Чего желаете?

– «Бейлис», если можно, – робко ответила Рита.

– «Бейлис» так «Бейлис». А я, с вашего позволения, отведаю вина.

– Красного?

– Верно, красного. А вы, выходит, в курсе, что я его люблю?

– Да! Я все-все про вас знаю! – восторженно воскликнула Рита, радуясь, что может поддержать разговор. – И какие напитки вы предпочитаете, и где любите отдыхать, и всю вашу биографию. Я ни одного сюжета на вашем канале не пропускаю.

– Приятно. Да, приятно это слышать от такой симпатичной девушки, как вы! – польстил ей Швайнштерн.

– Ну что вы... Я самая обычная... – Рита потупилась.

«Не страшная, но я видал и получше», – подумал Швайнштерн, но вслух серьезно сказал:

– Вы себя недооцениваете. Куда хотите поехать?

– Не знаю... – Рита и так была на седьмом небе от счастья, что ей вообще позволили тут посидеть.

– Тогда просто покатаемся по центру.

Водитель завел двигатель, и лимузин тронулся с места. За окном проплывали знакомые городские пейзажи, но Рита не обращала на них внимания. Сама она не знала, что сказать, а артист не стремился ее разговорить. Его лицо было грустным.

– А знаете, – сказал вдруг Швайнштерн, – я так одинок...

– Вы? Но ведь вокруг вас так много людей! – удивилась Рита, пробуя мелкими глотками ликер. – У вас ведь есть подруга, девушка?

– Вот видите, а говорите, что все обо мне знаете! – упрекнул ее Швайнштерн и грустно покачал головой. – А о такой простой вещи даже не подозреваете...

– Да что вы! – мгновенно прониклась сочувствием Рита. Ей вдруг очень захотелось чем-нибудь помочь такому замечательному человеку.

– Увы, – продолжал давить на жалость артист, – я совсем один. А так, знаете, хочется иногда теплоты, внимания...

Телохранитель, сидевший напротив, сделал вид, что зевает, чтобы не расхохотаться в голос. Не далее чем позавчера он сопровождал своего клиента после дикой оргии, которая, впрочем, продолжалась и здесь, прямо в машине. И Швайнштерн не выглядел тогда ни грустным, ни одиноким. Артист сурово посмотрел на телохранителя, и тот мгновенно сделал вид, что его что-то очень заинтересовало за окном.

Впрочем, Рита ничего этого не заметила. В машине было тепло, и ликер уже начинал действовать расслабляюще. Швайнштерн опрокинул в себя уже второй бокал красного и предложил:

– А давайте поедem в ресторан? В вашем присутствии я уже не чувствую себя таким одиноким. Вы мне поможетe скрасить мой скромный обед.

Было всего часов десять утра— время для обеда, прямо скажем, раннее. Однако Риту это не смутило.

– Хорошо, – радостно согласилась она, мигом забыв и о своих занятиях, и о мрачном утре, и, увы, об оставшемся дома Викторе.

Глава 9

Впрочем, дома Виктор как раз не сидел. Вместо этого он отправился на улицу, чтобы совершить небольшую прогулку— разумеется, в сторону, противоположную той, в которой находилась его работа. По иронии судьбы, примерно через полчаса мимо него проехал лимузин Швайнштерна, в котором восседала счастливая Рита, незаметная за темными стеклами машины. Сама девушка тоже не увидела Виктора, да и Швайнштерн не обратил на него никакого внимания. Сам же Виктор только проводил лимузин взглядом и побрел дальше.

Всю прогулку он прокручивал в голове вчерашний разговор с шефом.

– Что ты творишь?! – спросил шеф, едва они вышли из операторской. Он говорил спокойно, но по его лицу было видно, как он взбешен.

– Швайнштерн – бездарность! – запальчиво воскликнул Виктор.

– И?.. – поинтересовался шеф.

– Я не хочу с ним работать.

– Ошибаешься, Витюша: это он теперь вряд ли захочет работать с тобой, а также и со всеми нами.

– Геннадий Петрович... – начал оправдываться Виктор.

– Да ты хоть знаешь, сколько денег он нам готов отвалить за эти чертовы записи?! – взревел шеф. – Я же предупреждал! Этот контракт очень важен для нас. А ты, со своими идиотскими принципами, нас подставляешь!

– Да знаю я! – с досадой отозвался Виктор. – Но этот олух вообще не умеет петь. Даже в ноты не попадает!

– Да мне все равно, куда он там не попадает! Хоть струей своей в писсуар – мне до лампочки! Главное, что он нам платит за свою халтуру. И мы, Витюша, очень нуждаемся в этом бабле. Поэтому мы заткнем и свои уши, и твое воспаленное самомнение, вернемся в студию и продолжим записывать все это дерьмо!

Виктор подавленно молчал, упрямо глядя в пол.

– Ладно, – смягчился шеф, ошибочно принимая его молчание за раскаяние. – Тебя бы следовало уволить. Но ты лучший наш оператор, поэтому на первый раз прощается. Швайнштерна допишет Рудик. А ты сегодня и завтра лучше побудь дома, чтоб не попадаться ему на глаза. Отпуск, само собой, за свой счет. Премии в этом месяце тоже не будет, увы. Все, собирай вещи и уходи. И девицу свою прихвати. Нечего их сюда водить! Тоже мне, цирк нашли!

Шеф подтолкнул Виктора к входу в операторскую. Не говоря ни слова, Виктор отправился за вещами. Он понимал, что перегнул палку, но виноватым себя не чувствовал. С его точки зрения, он просто старался выполнять свою работу хорошо, а разговор, подслушанный Швайнштерном, – не более чем просто случайность. Конечно, ему следовало сразу извиниться, а не вступать в перепалку с артистом, но уж очень Виктору не нравился ни сам Швайнштерн, ни его песни.

Гуляя, Виктор сожалел только о том, что вся эта неприятная сцена произошла в присутствии Риты, и дал себе слово обязательно поговорить с ней, когда она вернется с учебы.

Виктор присел на лавочку и, пригревшись на солнце, даже немного задремал. В кармане затренькал телефон. Это звонил Рудик.

– Ты где? – поинтересовался напарник.

– В отпуске. За свой счет.

– Из-за вчерашнего?

– Вроде того.

– Представляешь, условились вчера с этим... – Тут Рудик вставил крепкое словцо. – А он не пришел. Сидим, ждем его, как идиоты.

– Сочувствую.

– В общем, звонил его продюсер. Сказал, сегодня Швайнштерна не будет. Шеф не в духе, на всех орет. Так что тебе, и правда, лучше побыть дома.

– Да я и не собирался приходить.

– И не надо. Ну, да ладно. Пока.

– Пока.

Виктор взглянул на часы и присвистнул. Был почти полдень. Однако ж, спал он, выходит, долго. Телефон снова зазвонил. На этот раз это оказался шеф.

– Витюш, «приятель» твой новый, говорят, занемог, авот других клиентов писать надо. Дел невпроворот. Ты бы подъехал, а? А в отпуске побудешь завтра, когда Рудик будет записывать эту маргышку.

– Хорошо, Геннадий Петрович. Я подъеду минут через сорок.

– Добро, добро... Ты... это... Не злись на меня.

– Все в порядке! – Настроение Виктора улучшилось. – Скоро буду.

– Жду. – Шеф повесил трубку.

Глава 10

Рита была счастлива. Вчерашний день и сегодняшнее утро казались ей неприятным сном. Вместе со Швайнштерном они сидели в его же ресторане совершенно одни, если не считать официанта, услужливо подливавшего вина в бокалы. Едва артист и Рита появились на пороге, администратор бросился их встречать, улыбаясь и не забывая отпускать комплименты в адрес девушки. По желанию Швайнштерна ресторан тут же закрыли для посетителей. Этот жест произвел глубокое впечатление на Риту, никогда раньше не бывавшую в подобной ситуации. Поначалу ей было неловко, но обаяние Швайнштерна и выпитое вино постепенно делали свое дело.

– Понимаете, мне бывает так грустно, когда я возвращаюсь домой после выступления, – продолжал артист разговор, начатый в машине.

– Почему? – выдохнула Рита.

– Но ведь у меня никого нет! Давайте на «ты»?

– Ну, конечно!

– Видишь ли, Маргарита...

– Можно просто «Рита».

– Да, Рита... Хорошо. Так о чем я?

– О том, как ты возвращаешься домой.

– Ах, да! А там, понимаешь, никого. Даже прислуга разошлась по домам.

– А разве тебе не хотелось познакомиться с какой-нибудь девушкой? – Рита с замиранием сердца ждала ответа.

– Да! И не раз. Но, видишь ли, всем им нужен не я, а мои деньги.

– О! Я так и думала! Знаешь, в мире столько наглых и хитрых девушек, – посочувствовала Рита.

– К сожалению, это так, – вздохнул Швайнштерн и совсем сник.

– И что? Так ни одной не нашлось?

– Увы. Ни одной. – Казалось, Швайнштерн сейчас заплачет.

Рите сделалось неловко. Не зная, что предпринять, она легонько с сочувствием коснулась руки артиста. Тот мгновенно схватил ее ладонь и сказал с жаром:

– Но я не сдаюсь! Нет! Я верю в то, что однажды найду ту, единственную, о которой мечтал всю свою жизнь!

– О! – воскликнула Рита.

– Но пока не нашел. – Швайнштерн отнял свою руку и откинулся на спинку стула. – Попробуй вот этих мидий. Они восхитительны!

Рита машинально взяла в руки вилку и принялась послушно жевать мидию. Вкуса она не чувствовала. Душа ее пребывала в смятении. Зачем Швайнштерн пригласил ее? Они едва знакомы. И зачем рассказывает ей о своей личной жизни? Неужели потому, что Рита ему не безразлична? От этой мысли у девушки потеплело на душе, но она тут же вспомнила последнюю фразу Швайнштерна, и ей стало грустно. Артист внимательно наблюдал за ней.

– Нравится?

– Что? – не поняла Рита.

– Мидии.

– Да-да, очень вкусно, спасибо.

– Коронное блюдо в моем ресторане, – расплылся в улыбке Швайнштерн. – Я заказываю их прямо с побережья Средиземного моря. Контрабандой. – Он заговорщицки подмигнул Рите. – Все-таки, когда у тебя есть деньги, это дает определенные преимущества.

В действительности, еда в ресторане не славилась изысканностью вкуса. Критики упорно ставили заведению твердую «тройку», что иногда злило Швайнштерна. Однажды он даже заме-

нил шеф-повара, но это не помогло. А вот известные люди сюда заходили частенько – естественно, не ради мидий, а по приглашению самого артиста, иногда за деньги. Этот факт положительно влиял на статус ресторана и привлекал многочисленных зевак.

– И все же странно... – решила продолжить интересный для нее разговор Рита. – Может быть, ты просто не там искал?

– Может быть, – легко согласился Швайнштерн и сам взял ее за руку. – И, быть может, как раз сегодня мне повезет.

Рита смотрела на него во все глаза, сердце громко стучало в груди. Девушка невольно подалась вперед, но артист снова отстранился от нее.

– Знаешь, мне, наверное, пора в студию. Хочешь, подвезу тебя до дому?

– Да-да, конечно!

– Тогда айда в лимузин! – Швайнштерн вскочил и широкими шагами направился к выходу.

Рита, едва вытерев губы салфеткой, засеменила за ним. Артист грубо оттолкнул водителя, пытавшегося открыть дверцу, и сделал это сам, пропуская Риту вперед. Девушка и телохранитель уселись на том же месте, что и по пути сюда, а вот Швайнштерн плюхнулся рядом с Ритой, почти вплотную прижавшись к ней. Она и не думала отодвигаться. Отчего-то такое тесное соседство было даже приятно.

Лимузин колесил по улицам города, прямо к дому Риты и Виктора. Девушка думала, что просто выйдет из машины, попрощается с артистом и поднимется к себе. Однако Швайнштерн неожиданно вызвался ее проводить. Этим он ставил ее в неловкое положение, впрочем, уже в который раз за день. Повстречайся им сейчас Виктор, и новой скандальной сцены было бы не избежать. Пока артист, деликатно поддерживая Риту за локоть, вел ее к подъезду под пристальными взглядами соседей, оторопевших при виде роскошной машины, девушка изо всех сил старалась принять невозмутимый вид.

И тут у нее пискнул телефон в сумочке. Извинившись, Рита высвободила локоть и достала трубку. «*Вызвал шеф. Буду вечером*», – прочитала она эсэмэс Виктора и облегченно вздохнула. От Швайнштерна не укрылось ни то, ни другое.

– Не пригласишь меня на чашку чая? – невинно поинтересовался он.

– Что? – смутилась Рита. – Да-да, конечно, заходи!

– Благодарю, – ухмыльнулся Швайнштерн и зашел вместе с Ритой в подъезд.

За ними тенью последовал телохранитель.

Глава 11

– Колян, побудь здесь, – распорядился Швайнштерн, едва они оказались в квартире, и тихо добавил: – И никого не пускай.

Телохранитель величественно кивнул и занял позицию в тесном коридоре квартиры, одновременно загораживая своей массивной фигурой проход. Рита и Швайнштерн прошли в комнату.

– Ну, что ж, показывай, как живешь, – с воодушевлением потер руки артист.

– Мы живем довольно скромно, – в очередной раз за сегодня смутилась Рита. В этот момент ее квартира вдруг показалась ужасно убогой.

Иное дело Швайнштерн! Он буквально излучал великодушие, участие и неподдельный оптимизм. И куда подевалась его грусть? Артист вел себя по-хозяйски, будто уже бывал здесь и к унылой простоте Ритино жилища ему не привыкать. Швайнштерн тут же извлек откуда-то бутылку крепкого алкоголя и поставил посреди стола:

– Тащи рюмашки! – весело провозгласил он.

Рита побежала на кухню за небольшими рюмками, которые они с Виктором зачем-то хранили, но никогда не использовали. Некоторое время ей даже пришлось их поискать, пытаясь нащупать стеклянные бокалы в темных глубинах кухонного шкафа. Наконец, цель была достигнута, и Рита вернулась к Швайнштерну, сжимая рюмки в обеих руках. Тот удобно устроился в единственном кресле и со скучающим видом поджидал ее, лениво разглядывая комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.